

Американская интервенция в Приморье в 1918—1922 гг.

Их руки обагрены нашей кровью

Родители Ирины Корнеевны Поляковой были одними из основателей села Новицкое в нынешнем Буденновском районе. Здесь, в долине реки Сучан, прошли ее детские и девичьи годы, здесь, на Сучанском руднике, она вышла замуж за запальщика шахты № 1 и прожила с ним шестнадцать лет. Когда на Дальнем Востоке вспыхнула гражданская война, муж ее, вступив в отряд Красной гвардии, ушел сражаться с интервентами, ворвавшимися на нашу землю по указке американских империалистов. В одном из боев он пал смертью храбрых. Оставшись одна с семью детьми, Ирина Корнеевна, живя на Сучане, несмотря на террор интервентов и белоохранцев, поддерживала связь с партизанскими отрядами, организовывала доставку им продуктов. В это время ей пришлось быть свидетельницей кровавых злодеяний американских интервентов, рассказ о которых и приводится здесь.

Много и плодотворно трудилась Ирина Корнеевна в годы мирного строительства, а когда началась Великая Отечественная война, она приняла активное участие в стройках в Приморье. За самоотверженный труд правительство наградило ее медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За победу над Японией».

Ирина Корнеевна живет сейчас на Сучане. У нее 24 внука и 8 правнуков. Старшие из них трудятся в шахтах, лабораториях, медицинских учреждениях, другие учатся или готовятся к школе. Спокойную и счастливую старость ей самой, счастливую и радостную жизнь ее детям, внукам и правнукам обеспечила советская власть. Она сама боролась за эту жизнь, за эту родную ей власть, за счастье и свободу, которые американские империалисты хотели отнять у нашего народа. Она хорошо знает подлинный звериный облик заокеанских «цивилизаторов», топтавших нашу землю.

* * *

Когда в Сучан пришли американские интервенты и колчаковцы, на руднике установился каторжный режим. Управлявший шахтой пригрозил выселить из бараков всех, в том числе и женщин, если обитатели их не выйдут на работу. Мне пришлось таскать тяжелые мешки с овсом в горы, бревна, рудничную стойку. Показанные над нами надсмотрщицы приставали к женщинам и со зла заставляли их носить непосильные тяжести. За этот изнурительный труд платили жалкие гроши, которых едва хватало для пропитания ребят.

Горняки тем временем постепенно покидали отшель и уходили в окрестные села, а отряды — в партизанские отряды. Ушел

с ними и старший мой сын Александр, погибший впоследствии в бою с белыми под Волочаевкой.

Наш Сучан стал крупным очагом народной борьбы с интервентами и белоохранщицей. Он был окружен партизанскими отрядами, постоянно срывающими доставку угля для нужд врагов. Но эти отряды нуждались в продовольствии. Женщины, оставшиеся в Сучане, из скромных своих средств организовали сбор продуктов для них. Несколько раз я относила продукты партизанам, пробираясь мимо вражеских постов.

Однажды, отнеся продукты в партизанский отряд, я зашла в его штаб, чтобы получить пропуск, без которого охранение

отряда не пропустило бы меня. В штабе я увидела нескольких американских солдат, взятых партизанами в плен.

Партизаны, чтобы не дать повода для интервентов к усилению репрессий против населения, отпустили этих заокеанских вояк, потерявших всякий воинственный вид, как только оказались в плену. И эти подлецы хорошо запомнили меня.

Когда я вернулась на шахту, они, увидев меня, арестовали и без суда и следствия потащили на расстрел. Узнав об этом, сбежали женщины и подняли большой шум. У американских интервентов не было прямых улик о моих связях с партизанами. Кроме того, что я получала в штабе партизанского отряда пропуск для прохода в Сучан, они ничего не видели и не знали. И они вынуждены были отпустить меня.

Вскоре я уже не могла ничего заработать на Сучане для пропитания семьи и решила пойти по окрестным селам навестить знакомых и собрать хоть немного продуктов.

Пришла я в родное Новицкое. К этому времени оно широко раскинулось по плодородным землям Сучанской долины. Мирная трудовая жизнь русских крестьян была не по вкусу американским захватчикам. Они неоднократно делали набеги на Новицкое, как и на другие села долины, и под предлогом поиска партизан убивали ни в чем не повинных жителей.

Как раз тогда, когда я была в Новицком, кто-то пробежал по улице с криком: — Американцы идут!..

Как всегда в таких случаях, женщины и подростки быстро покинули

село, выбравшись из него через огороды, кустарники.

Подходя к селу, американский отряд повстречал шестидесятилетнего старика Льва Моисеенко, который приходился дедушкой мужу нашего Героя Социалистического Труда Анны Антоновны Моисеенко. Старик ходил за лошадей, пасшейся на лугу, и не слышал о приближении интервентов. Американцы, конечно, должны были понимать, что такой глубокий старик не мог быть партизаном. Но они убили его, ни о чем не спрашивая, ни в чем не разбираясь.

Войдя в село, они встретили другого крестьянина-бедняка Илью Ремизова, не захотевшего или не успевшего скрыться. Убили и его.

Американцы убивали этих людей, не интересуясь, партизаны они или нет, участвуют они в вооруженной борьбе с интервентами или они простые мирные жители села. Они убивали их только за то, что эти люди были русскими.

Пройдя Новицкое, американский отряд вошел в Перетиво. Тут тоже все мужчины успели спрятаться. Дома остался только Иван Шуболов. Его жена в это время родила, и он не мог покинуть ее. Убийцы вытащили Ивана на двор и расстреляли.

Советский народ никогда не простит подлым убийцам безвинно пролитой крови. В этих кровавых преступлениях наш народ видит подлинные дела американских захватчиков — трусливых в открытом бою и «храбрых» против беззащитного населения.

И. ПОЛЯКОВА.

Гор. СУЧАН.